

извне и выступающие как факторы её жизни, действуют не в «чистом» виде, а селективируются и видоизменяются этой системой»¹.

Из сказанного следовало, что истоки темпоральности российской цивилизации находятся в пространстве дальнедействующих энергоинформационных полей, излучаемых нейронами, выполняющих функцию первичного этнопсихологического субстрата. Это значит, что полный жизненный цикл более точно хронометрируется по фазам динамики её основополагающего свойства – накопления и последующего рассеивания пассионарной энергии титульного этноса (русских).

Таким образом, представления нео-(постне) классиков о времени российской цивилизации в рассматриваемый период оставались вероятностными. Выявленная лакуна в методологии исторического знания о времени российской цивилизации являлась следствием традиционной самоизоляции представителей гуманитарных, естественных и физических наук, творческий союз которых мог стать плодотворным для изучения многомерной природы темпоральности.

2.3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Новые для отечественной историографии размышления о пространстве российской цивилизации со второй половины 1980-х гг. стали заметной частью трудов историков, философов, политологов, культурологов, географов и этнологов. Они появились в продолжение сложившейся традиции различать пространства по жизненным сферам, как, например, географиче-

¹ Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы). – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – С. 56.

ское, биологическое, этническое, классовое, геополитическое, культурное, биосферное и многие другие, которые в качестве аналитических моделей использовались для репрезентации различных сторон реальности, как её себе представляли и пытались выразить исследователи.

Так, согласно рекомендациям советских учёных начала 1970-х гг.¹, проводилось разделение и изучение во взаимосвязи объективного (или реального), субъективно-чувственного (перцептуального) и концептуального пространств. В мыслительном аппарате того или иного автора в разрезе изучения конкретного объекта они могли сочетаться в различных комбинациях, предопределяя методологию исследования. К реальному пространству были отнесены явления с характеризующими свойствами и отношениями, которые существовали с точки зрения классической рациональности объективно и связывались с различными факторами жизни общества. В качестве синонима предлагалось рассматривать физический мир.

Перцептуальное представлялось как непосредственное восприятие человеком объективной действительности органами чувств. Концептуальное составляли абстрактные модели и структуры, выступавшие средствами научного познания реального и перцептуального пространств². Указанный мыслительный контур охватывал все стратегии изучения истории российской цивилизации, которые могли привести к мифологии, если названные выше пространства отождествлялись с действительностью. Распространёнными являлись и другие комбинации, например, отождествление концептуального и реального ока-

¹ Типология получила обоснование в трудах А. М. Мостепатенко, В. С. Готт, Г. Е. Зборовского (См.: Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск [б. и.], 1974. – С. 28 - 29).

² Корухов В. В., Симанов А. Л., Шарыпов О. В. Методологические проблемы исследования структуры пространства // Философия науки. – 2001. – № 3(11). – С. 174 - 176; Каменарович М. Б. Проблемы пространства и времени. – М.: Издательство МТГУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – С. 31; Павлов Ю. М., Смирнов А. И. Указ. соч. – С. 192.

залось свойственно объективистской науке, а перцептуального и концептуального – представителям субъективизма.

Следует иметь в виду, что концепции российской цивилизации (в различных вариантах названия: православная, евразийская, славянская и другие) появились в XX столетии, когда понимание пространства в широком значении как формы существования материи, проявляющейся в свойстве объектов иметь отношения¹, «как протяжённость и порядок сосуществования материальных объектов»² стало господствующим в отечественных социогуманитарных науках³. Считалось, что необходимым компонентом полноценной теории, раскрывающей сущность исторического феномена, является непротиворечивая объяснительная модель его многомерного пространства, совместимая в понятийном, логическом и языковом планах с идеями о соответствующих заданному масштабу временных, духовных и иных параметрах.

В рассматриваемый период пространство российской цивилизации ещё не стало предметом специального исследования, но был высказан ряд идей и мнений по поводу элементов её предполагаемой структуры, в итоге размывавших общее представление о размерности цивилизации как целостности с определёнными свойствами, и консервировавших тем самым проблему в латентном состоянии. Выявленные суждения учёных группируются вокруг трёх смысловых конструкций: пространство как территория/жизненная среда, цивилизационная идентичность и место России относительно Запада и Востока. Рассмотрим смысловую нагрузку каждой из названных синтагм, их теоретические, методологические основания и продуктивность

¹ Дука О. Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). – С. 80.

² Философия: Учебник / Под ред. проф. О. А. Митрошенкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 235.

³ Верхошанская Р. Г. Социальное время-пространство (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 2004. – С. 6.

в части получения нового исторического знания о порядке существования российской цивилизации, систематизируя по указанной типологии выявленный аналитический ресурс.

Пространство цивилизации как территория/ жизненная среда

Представления о пространстве локальной цивилизации как о территориальной организации населения, сложившейся вследствие взаимодействия природных и социальных факторов, отождествляемой с материальной средой общества, обосновывались в трудах, опиравшихся на идеи представителей русской историософии второй половины XIX – середины XX в. (Н. А. Бердяева, В. О. Ключевского, Н. О. Лосского, Л. И. Мечникова, П. Н. Савицкого, П. А. Флоренского и других) о безусловном влиянии географической среды на формы жизнедеятельности человека. В методологическом плане данная исследовательская стратегия реализовывалась в рамках типа рациональности, которым руководствовался тот или иной автор¹.

В классической науке традиционно доминировал поиск строгой причинной зависимости между климатом, ресурсной базой местности и закономерностями развития конкретного общества (географический детерминизм). На примерах зару-

¹ В рассуждениях советских историков о динамике влияния природной среды на развитие производительных сил общества присутствовал аналогичный рефрен, выраженный в идее о том, что по мере развития материальной и духовной культуры с каждым веком оно уже по иному поддавалось влиянию естественной среды, преломляя её через собственные достижения. Географические константы, как заключил А. Я. Шевеленко, были определяющими при расселении земледельцев и кочевников, обуславливая многие стороны их производственной деятельности, быта, миграционные потоки, плотность заселения, хозяйственную специализацию и ещё многие жизненно важные вопросы. Их безусловное влияние испытывало население в период господства архаичных по уровню развития производительных сил и социальных отношений (См. Шевеленко А. Я. Природные, демографические и материально-производственные условия в Европе раннего средневековья // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Формирование феодально-зависимого крестьянства / Отв. ред. З. В. Удальцова. – М.: Наука, 1985. – С. 20 - 61).

бежной историографии понимание проблемы жизненного пространства цивилизации, структурированного по сферам деятельности, анализировал В. Б. Устьянцев. Было отмечено широкое использование ценностного подхода к её познанию, отнесённого в эпистемологическом плане к неклассической науке¹, а в концептуальном – к географическому POSSIBILIZMU с постулатом о вероятностном характере связей между подвижными пределами устойчивости биосферы и способами адаптации населения к её свойствам.

С позиций нео-(постне) классической рациональности географическая среда и локальная цивилизация представлялись уже неразрывными частями, в терминологии Д. Н. Замятина – «элементами цивилизационно-пространственной целостности»². Именно в таком контексте В. Б. Самсонов в несколько тяжеловесном стиле описывал пространственное основание локальной цивилизации – в виде территориальных, акваторриальных, атмосферных компонентов социально-экологической системы в рамках социально-экономического, административно-управленческого, геополитического и физико-химического районирования страны. Воспроизводство второго, уже функционального основания в виде экономического, социального, духовного, культурного, демографического, личностного, правового, географического, экологического, ресурсного и других пространств автор называл законом цивилизационного месторазвития региона³.

Как видим, пространство представлялось вместительным для всех известных разнопорядковых социальных структур. При этом употреблялись категории, обозначающие различные

¹ Устьянцев В. Б. Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности // *Философия и общество*. – 2007. – № 3. – С. 85 - 90.

² Замятин Д. Географический фактор и цивилизация // *Свободная мысль*. – 2008. – № 4. – С. 171.

³ Самсонов В. Б. Пространственно-временная мера // *Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики* / Под ред. В. Б. Самсонова. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2001. – С. 18.

предметные, мировоззренческие и концептуальные поля, что не вносило ясности, какими должны быть нижний и верхний пределы в иерархии данной системности, как и не вело к однозначному пониманию динамики её размерности, протяжённости и других свойств.

Другой вектор исследований был обращён в сторону выяснения механизмов адаптации социума к условиям природной среды на примере конкретной сферы жизнедеятельности. Конфигурацию пространственно-временных границ российской цивилизации историк и философ Л. М. Марцева связывала с хозяйственным освоением заселяемых русскими территорий. Рассуждения строились на сочетании деятельностного подхода с методологией интуитивизма и идеал-реализма, восходящей к работам А. Ф. Лосева и Н. О. Лосского, допускавшей интуитивное созерцание сущности явлений, «чувствовать их смысл как органическую целостность, ощущать слово как смысловой образ реальности»¹. Опираясь на известные факты из истории России и сведения, почерпнутые из массива источников религиозного происхождения, автор сформулировала следующие утверждения:

1) границы цивилизации вследствие своей изменчивости и динамичности не совпадают с государственными и не укладываются в существовавшие схемы административно-территориального деления;

2) они подвижны в исторической протяжённости, первоначально относительные и условные, затем меняются в обозримом исследователю прошедшем времени;

3) географические границы обозначают ареал ландшафта – естественной среды обитания этносистемы и выполняют важную роль в формировании материальной культуры;

4) границы российской цивилизации определяются православной хозяйственной этикой, «этнической ментальностью:

¹ Марцева Л. М. Труд в контексте Российской цивилизации (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Красноярск, 2007. – С. 20.

характером общественной психологии, спецификой темперамента, мировоззрением, образом и стилем жизни людей. В труде опредмечивает и осуществляет себя «душа» народа»¹.

Стержневой стала идея о том, что материальные и духовно-нравственные основы общества, создаваемые в результате целенаправленного труда, овеществляют различные ценностные координаты, предопределявшие особенности локальной цивилизации. Концепция Л. М. Марцевой согласовывалась с уже рассмотренными нами выводами других учёных о зависимости параметров её времени от свойств этнической среды.

Предложенная интерпретация, явившаяся опосредованным сюжетом в исследовании социально-философских аспектов труда, побуждала дополнительно обратиться к поиску разъяснений отдельных пунктов. К примеру, читатель мог усомниться в том, что хозяйственную этику во всех российских регионах следует относить к православной, если иметь в виду преобладание в ряде территорий трудовых традиций, которые возникли и поддерживались в других конфессиональных средах. Важным в разрезе нашей темы и пока без ответа оставался вопрос о соотношении полиэтнического и цивилизационного пространств.

Как ранее было отмечено, отсутствие специальных исторических исследований не исключало появления в смежных областях знаний отдельных идей для последующего развития подходов к изучению указанной проблемы. В этом направлении значительную ценность представляли труды Л. Н. Гумилёва и Г. П. Кибасовой, в которых предлагался усовершенствованный аналитический аппарат для представления этнического пространства – порядка «существования (жизни, проживания) и осуществления (самовыражения) через социальные формы генетически тождественного сообщества»².

¹ Там же. – С. 28.

² Кибасова Г. П. Этническое пространство России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2004. – С. 14 - 15.

Сложная картина взаимодействия популяций человека и природных ландшафтов была воссоздана Л. Н. Гумилёвым, полагавшим, что диагностика этнического пространства лежит, прежде всего, в области ощущений¹. Эволюцию этнических сообществ, начиная с появления консорций и конвиксий, возможную их трансформацию в этнос и обратно, он связывал с механизмами адаптации людей к окружающей среде. На протяжении длительного периода частое повторение одних и тех же обстоятельств, которые сообществу необходимо было преодолевать, порождали особенную структуру мышления, связей, отношений и оригинальные стереотипы поведения. Его положение между биосферой и техносредой оценивалось как маргинальное, «это явление, которое связывает социальную форму движения материи со всеми природными формами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, и тот механизм, при помощи которого человек воспринимает дары природы и кристаллизует их в свою культуру»².

Автор видел в суперэтнотипе мозаичную целостность, саморганизацию нескольких этносов, возникших одновременно в одной ландшафтной зоне³. Была поддержана точка зрения представителя евразийской историософии П. Н. Савицкого об изменчивой во времени климатической границе между славянским и западноевропейским суперэтнотипами, условно пролегающей по нулевой изотерме января⁴. Нетрудно выделить из работ Л. Н. Гумилёва набор признаков этничности (язык, конфессиональная принадлежность, ощущения подсознательной взаимной симпатии, определявшие деление на «своих» и «чужих» (комплементарность) и другие), по которым более точно определялись в территориальном и социокультурном срезе места концентрации и порядок организации природных сообществ,

¹ Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 46, 53.

² Гумилёв Л. Н. Струна истории. Лекции по этнологии. – М.: Айрис-пресс, 2007. – С. 44.

³ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 546.

⁴ Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – С. 20.

фиксируя своим положением в окружающем мире контуры этнического пространства российской цивилизации.

На концептуальном уровне Г. П. Кибасова объяснила момент несовпадения социального пространства и его ядра – этнического пространства, который в отечественной науке в связи с деликатным отношением к национальному вопросу являлся фигурой умолчания. На примере российской истории были выделены два качественно отличных периода их взаимодействия. В первом периоде (IX–XVI вв.) единство между ними, по мнению автора, обеспечивалось пассионарным потенциалом русских, когда новые социальные формы «вырастали» из глубинных потребностей этнического развития. В XVI–XX вв. этническое начало стало восприниматься управляющими элитами как помеха модернизационным процессам и противопоставлялось социально-политической сфере. Таким образом, русский этнос-народность был лишён возможности эволюционным путём «дорасти» до уровня нации. Конфликт пространств, заключила автор, породил перманентный кризис самой власти¹.

В рассуждениях учёных нельзя не заметить и сюжеты объяснения неоднородности пространства цивилизации географическими свойствами её территорий. Они трактовались с позиции трёх подходов: культурно-исторического, чаще используемого представителями русской/российской науки; социально-структурного и близкого к нему семиотического, опиравшегося на теоретические изыскания М. Сингера, Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта и других представителей западной историографии.

Содержание культурно-исторического подхода в значительной степени повторяло утверждения В. О. Ключевского и Н. А. Бердяева о зависимости черт того или иного народа от длительного проживания в определённом природном ландшафте, который в случае своей однородности выполнял стабиль-

¹ Кибасова Г. П. Этническое пространство России: социально-философский анализ. – С. 48.

лизирующую роль, а в случае разнородности – стимулирующую в развитии общества. Как установил Д. Г. Горин, рассредоточение относительно тонкого слоя представителей культурной среды по территории России сопровождалось отсутствием сформированной иерархии ценностей и, как следствие, централизацией и ужесточением системы государственной власти¹.

В этом же контексте С. Ю. Петров ставил вопрос о границах русской цивилизации. Отмечалась сложность её демаркации на периферийных территориях, где следовало учитывать все факторы сближения людей: язык, этнические корни, религию, культуру². Тенденция к ослаблению традиционных институтов в том или ином месте или к усилению подвижности их существования ассоциировалась с близостью пограничной зоны, которая могла возникнуть как в центре, так и на периферии по мере отчётливого проявления ценностей иной цивилизационной среды.

Содержание социально-структурного плана опиралось на тезис П. А. Сорокина о культурно неоднородной структуре локальной цивилизации, утверждавшего о естественном существовании в её составе наряду с природной общностью – ядром, других инородных элементов, служащих источником внутренних конфликтов³.

В развитие указанного тезиса сторонники семиотического подхода предлагали выделять центральные и периферийные ценностно-смысловые структуры. К центральным они относили доминировавшие традиции и все общезначимые для большинства представителей данной общности ориентации, убеждения, не исчерпывавшие собой весь спектр сложившихся там норм. К периферийным были отнесены ценности, характерные для от-

¹ Горин Д. Г. Пространство и время в динамике цивилизации. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 26 - 27.

² См.: Петров С. Ю. Границы Русской цивилизации к началу XXI в. // Русин. – 2009. – № 2 (август). – С. 52 - 60.

³ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и её критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – С. 47 - 54.

дельных групп населения, выполнявшие функцию защиты от нежелательного воздействия традиций большинства¹.

Отметим не менее плодотворную идею Р. Г. Баранцева отличать пространство цивилизации по типу мышления её представителей. Исходя из собственного понимания содержания и гармонии элементов в триаде «рацио – эмоцио – интуицио», он выделил рационализм в качестве доминанты западного типа мышления, интуицию – для восточного общества. На основе экскурсов в историю идейных течений, в эволюцию этнического самосознания и смыслов его экзистенциальных констант (русской души, соборности, софийности, всеединства, мессианства), автор видел истоки специфики российского общества в преобладании эмоционального фактора².

Таким образом, постижение в рамках исторического знания пространства российской цивилизации как территории/жизненной среды, представлявшегося суммой природных и социальных условий функционирования общества, осуществлялось на основе идей о её структурированности по многочисленным сферам деятельности, о размерности российского суперэтноса и очагах распространения экзистенциальных ценностей, сформированных у населения в процессе хозяйственного освоения территорий. Признаком объективности этого знания служили неизменная апелляция авторов к географическому фактору, измеряемому физическими величинами, и терминология, заимствованная из естественных наук.

Как видим, в рассматриваемый период исследователи перешли от изучения отдельных составляющих пространства российской цивилизации, выступавших как часть или элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ни-

¹ Горин Д. Г. Указ. соч. – С. 35.

² Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. – Ижевск: РХД, 2005. – С. 77 - 84.

ми, накапливая тем самым материал для его осознания в дальнейшем как целого.

Осмысление специфики пространства российской цивилизации относительно Запада и Востока

Обратимся к работам авторов, где тему «историческое знание о пространстве российской цивилизации» можно было вычленивать из материалов полемики по поводу принадлежности России к двум разнонаправленным в ценностном отношении очагам развития культуры. С Западом ассоциировалась западноевропейская цивилизация, а с метафорическим образом «Восток» – общие представления об исламской и дальневосточных цивилизациях, о туранском факторе, оказавшем существенное влияние на формирование русской государственности.

Затянувшийся на два столетия спор, разъединивший в XIX в. его участников на западников и славянофилов, консерваторов и либералов, к началу 1990-х гг. был возобновлён на основе переопределения прежних базовых понятий и сложившихся к концу советского периода утопических ожиданий политизированного исторического сознания, предвкушавшего положительные результаты от грядущего очередного этапа либерализации общества.

Уже в 1980-е гг. с усвоением знаний о локальных цивилизациях и одноимённом подходе некоторые исследователи предпочитали располагать вескими объективированными (позитивистский настрой) доказательствами о факте существования российской цивилизации. Так, на основании представлений о ценностях выделенных трёх типов цивилизаций: природной, западной и восточной, Л. И. Семенникова воздерживалась причислить «цивилизационно неоднородное общество» России к одному из них. Она считала, что «это особый, исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся к существующим типам цивилизаций, объединённых мощным,

централизованным государством»¹. Согласно В. М. Межуеву, Россия пока находится в состоянии цивилизационного поиска² и её будущее связывалось с возможным завершением самоидентификации в русле европейской социокультурной традиции³. Таким образом, названные выше учёные считали, что для общего цивилизационного пространства обязательно наличие если не единства, то, по крайней мере, родства ценностных оснований культур народов, составлявших российское общество, и одновременно констатировали отсутствие таковых.

Несомненно, представленные точки зрения являлись следствием усвоения уроков острых социальных конфликтов, которыми оказалась богата российская история, особенно за последние 200 лет – время прохождения фазы надлома. События показали высокую отзывчивость общества на влияния извне, на развитие и доминирование в определённые периоды и в различных сферах жизни эффектов диффузии со стороны западноевропейской и восточных цивилизаций⁴. Поэтому касаясь пространственных параметров социума в России, некоторые исследователи делали акценты на его незавершённый путь к состоянию духовной гомогенности, образец которой копировали у Запада.

Так, в многочисленных научных трудах и эссеистике восприятие пространственного порядка российского общества строилось на образных сравнениях. Среди специалистов по западноевропейской истории находились сторонники образа «Россия – это Европа»⁵, менее радикального, чем естественные

¹ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – С. 21 - 28, 37.

² Межуев В. М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Россия XXI. – 2000. – № 1. – С. 47.

³ Лубский А. В. Россия: проблема цивилизационной идентификации // Гуманитарный ежегодник. 2. – Часть 2. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 70 - 72.

⁴ См.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX вв.): автореф. ...дис. д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 41 с.

⁵ Громько А. А. Цивилизация и Россия. Споры продолжаются [Электронный ресурс] // Стратегия России. 2009. № 7. – URL:

для эпохи романтизма XIX в. и уже наивные для исторического сознания рубежа XX–XXI вв. метафоры: «Россия – квинтэссенция Европы» или «Россия – сверх-Европа», воссозданные в произведениях Ф. М. Достоевского, В. И. Ленина, А. С. Пушкина¹. Россия, вследствие своей принадлежности к христианскому миру и обществам Модерна, была определена С. Э. Кургиняном как альтернативный или иной Запад, по принципу дополнительности составляющая со своим прототипом две фатально связанные и жизненно необходимые части².

Гораздо больше находилось приверженцев метафоры «Россия – недо-Европа», которой придерживались сторонники концепции догоняющего развития³ и, конечно, мир-системного подхода, где страна представлялась периферийной империей⁴.

Истоки традиции сопоставления России с Европой интересовали И. Н. Ионова, С. Г. Кара-Мурзу, А. В. Лубского, А. А. Маслова, О. А. Матвейчева, В. И. Пантина, И. В. Следзевского, Б. А. Успенского, В. Г. Федотову⁵ и других учёных. Анали-

http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php?archive=1247834106&subaction=list-archive (дата обращения 15.12.2010).

¹ Трегуб С. В. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008. – С. 71.

² Кургинян С. Бдительность // Россия XXI. – 2006. – № 1. – С. 10.

³ Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 50 - 60; Шипулин В. О. Противоречия российских социальных трансформаций в контексте теории модернизации // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 36. – С. 19 - 20.

⁴ Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М.: УльтраКультура, 2004. – С. 3.

⁵ См.: Ионов И. Н. Построение образа российской цивилизации в свете психологии мышления и социологии знания. – С. 102 - 116; Ионов И. Н. Цивилизационные образы России и пути их оптимизации // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 143 - 157; Лубский А. В. Цивилизационные образы России. – С. 47 - 61; Маслов А. А. Указ. соч. – С. 89 - 108; Матвейчев О. А. Суверенитет духа. – М.: Эксмо, 2009. – С. 170 - 173; Пантин В. И. Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, 2004. – С. 173 - 180; Следзевский И. В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора»). – С. 97 - 98; Успенский Б. А. Европа

зу подверглись вложенные в парные категории авторские смыслы.

Во-первых, было установлено, что общей речевой частью служила двухкомпонентная метафора, имевшая два основных свойства, в полной мере согласующихся с дихотомичной по содержанию процедурой сравнения. С одной стороны, она, по мнению Е. В. Ключева, обеспечивала превращение подобия в тождество и всё, что мешало этому, устраняла как несущественное. С другой стороны, предполагала, «что есть то, что сопоставляют, то, с чем сопоставляют, и признак, по которому осуществляется сопоставление»¹. Третий член не назывался, но существовал в скрытом виде, и на практике им было легче манипулировать, превращая в источник предварительного многовариантного структурирования актуализированной области знаний². Таким образом, многообразие образов России предопределялось их семантической незавершённостью, оставлявшей люфт для модификации смыслов.

Во-вторых, было отмечено, что осознание базовой категориальной пары преломлялось в культуре европоцентричного мышления интеллектуалов, которая особенно после эпохи Петра I отличалась повышенным вниманием к символическому усвоению заимствованных форм с тем, чтобы воссоздать соответствующее им содержание уже с российским колоритом. Согласно Б. А. Успенскому, сознательная ориентация на Европу подразумевала противостояние, и в таком положении Россия изначально Европой не являлась³. Познавательное значение метафоры заключалось в скрытом послы на перманентный поиск языка описания образа, который бы мог обновить пони-

как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // Вопросы философии. – № 6. – 2004. – С. 13 - 21; Федотова В. Г. Указ. соч.

¹ Ключев Е. В. Риторика: Учебное пособие для вузов. – М.: Приор-издат, 2005. – С. 184 - 185.

² Алексеев К. И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – С. 45 - 46.

³ Успенский Б. А. Указ. соч. – С. 17 - 18.

мание самоидентификации в наступившей эпохе перестройки общества.

В-третьих, причину живучести метафоры «Россия – Европа» исследователи видели в устойчивой потребности образованной части общества заимствовать передовые элементы социального устройства и системы мышления западной цивилизации, имевшей мощный экономический, военный и интеллектуальный потенциал, существенно влиявшей на судьбы соседних народов. Одним из основных средств достижения этой цели длительное время являлся марксизм, сохранивший в рассматриваемый период своё место в ряду востребованных теорий¹.

В-четвёртых, анализируя продуктивность полемики, в центре которой оказался образ России и попутно обсуждалась специфика элементов пространства её цивилизации, И. Н. Ионов указывал на то, что философы нередко игнорировали результаты работы историков и вместо конкретизации интенций проверенными фактами замещали предмет исследования совокупностью абстрактных категорий. Взаимопонимание, по его мнению, могло сложиться на пути к диалогу, предполагающему настроенность на выявление внутреннего многообразия явления и на формирование необходимых для его вычленения профессиональных исторических норм и процедур².

Следует отметить, что наряду со стратегией поиска общего и особенного между Россией и Западом другой вектор познания был обращён на существование восточных корней российской цивилизации, которые усматривались в социальном багаже, унаследованном от Золотой Орды. Россия не отождествлялась и не противопоставлялась Востоку. Напротив, исходившие от номадических культур и укоренившиеся в обществе социальные

¹ Кара-Мурза С. Г. Маркс против русской революции. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. – С. 15 - 16; Трегуб С. В. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации. – С. 70.

² Ионов И. Н. Цивилизационные образы России и пути их оптимизации. – С. 155.

практики, совпавшие по времени первоначального усвоения с периодом формирования на территории Руси этничности русских, а также Московской государственности в XIV–XV вв., учёными квалифицировались как традиционные.

В работах Л. Н. Гумилёва, Э. С. Кульпина и других исследователей анализировались последствия влияния культуры кочевников (в её широком значении) на формирование зарождавшейся российской цивилизации. В частности, было отмечено, что население и система управления в Золотой Орде явились питательной и толерантной средой для консолидации под эгидой Москвы полиэтнического и поликонфессионального сообщества славянских, тюркских, угорских, самодийских племён и народностей, поставщиком идей о порядке централизованного управления и обеспечения территориального единства, о функционировании власти-собственности¹. Формы их воплощения в жизнь впоследствии стали символизировать пространство России.

Подобными аргументами, которыми пользовались в XIX – первой половине XX в. славянофилы, евразийцы, а затем, в конце XX в., и их последователи, отстаивалась формула «Россия – не Европа». Создание исторического образа самостоятельной цивилизации начиналось с фиксации в названии главного, по мнению того или иного автора, характеризующего признака, подразумевавшего базовую среду, генерирующую особый тип ценностей, трансформирующую социальные структуры. Таким образом, появился ряд концепций, описывавших одну и ту же локальную цивилизацию в фокусе различных смысловых акцентов, разделённых С. В. Трегубом на две группы. Обозначение особого социоестественного плана привело к

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – С. 138, 143, 153; Кульпин-Губайдуллин Э. С. Восточный ритм русской истории // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 61, 66, 68 - 69;

появлению следующих названий: славянская¹, русская², советская³, евразийская⁴ и вобравшая, как полагал А. В. Лубский⁵, идеи последней – российская цивилизация⁶. Крен в сторону ре-

¹ См.: Калашников В. Л. Славянская цивилизация. – М.: Внешторгиздат, 2003. – 527 с; Цымбурский В. Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. – М.: УРСС, 2000. – С. 11.

² См.: Зубов А. В. О природе русской цивилизации // Рубежи. – 1997. – № 8/9. – С. 102 - 114; Кеслер Я. А. Указ. соч.; Кондаков И. В. Ментальное единство русской цивилизации // Кондаков И. В. культура России: краткий очерк истории и теории: учебное пособие. – М.: КДУ, 2007. – С. 39 - 72; Можайскова И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: (Опыт метаисторического исследования). – Ч. 1: Религиозные начала цивилизационной структуры человечества и духовные истоки русской цивилизации. – М.: Студия «Вече», 2001. – 559 с.; Платонов О. А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – 222 с.; Троицкий Е. С. Концепция русско-славянской цивилизации // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. Сборник. – М.: АКИРН, 1998. – С. 33 - 102.

³ См.: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой победы. – Кн.1. – М.: Алгоритм, 2001. – 528 с.; Карпачевский Л. О. Советская цивилизация и утопия: мысли естествознателя // История и современность. – 2010. – № 1. – С. 132 - 137.

⁴ См.: Ерасов Б. С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 57 - 67; Исламов В. В. Указ. соч.; Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Указ. соч. – С. 691 - 705; Орлова И. Б. Современные цивилизации и Россия. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – С. 144 - 172; Панарин А. С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 19 - 31; Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Цоохуу Х., Цэдэв Х. Евразийская цивилизационная общность народов: ценности и константы развития // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – 2007. – С. 91 - 95 и другие.

⁵ Лубский А. В. Цивилизационные образы России. – С. 58.

⁶ См.: Василенко И. А. Архетипы и коды российской цивилизации // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002. – С. 157 - 171; Ильин В. В., Ахиезер А. С. Указ. соч. ; Каверин Б. И. Российская цивилизация. – М.: МГТУ им. А. Н. Косыгина, 2005. – 174 с.; Каспэ С. И. Российская цивилизация и идеи А. Дж. Тойнби // Свободная мысль. – 1995. – № 2. – С. 76 - 83; Козин Н. Г. Постигание России. Опыт историософского анализа; Мчедлов М. П. Цивилизация российская // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию профессора М. П. Мчедлова. – М.: РНИСиНП, 1998. – С. 491 - 495; Наумов С. Ю., Слонов Н. Н. Россия – суверенная цивилизация. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2008. – 132 с.; Старостенков Н. В., Шило-

лигиозного плана породил такие названия, как православная¹, восточно-христианская² и православно-славянская цивилизация³. Погружаясь в ценностный анализ истории общества, О. А. Платонов называл её Святой Русью, допуская основополагающее значение таких духовно-религиозных качеств, как добротолюбие, соборность, нестяжательство, патриотизм и других⁴.

Мировоззренческие, политические предпочтения нередко разделяли учёных – сторонников одноимённой концепции на конкурирующие группы. Так, традиционное евразийское направление (Л. Н. Гумилёв и его последователи: Р. Вахитов, М. И. Коваленко, В. А. Мичурин, С. Б. Лавров, Д. М. Балашов, И. С. Шишкин и другие) отличалось базовыми суждениями о преобладании на заре формирования русской государственности и этнического поля общества его восточных элементов, перерабатывавших в себе западные новации. В трудах Б. С. Ерасова, И. Б. Орловой, Ю. В. Яковца (представители академического евразийства) было обращено внимание на доминирование геополитических и этатистских проблем. Этот нюанс представлялся уже естественным свойством российского пространства. Возврат к наименованию цивилизации евразийской в сравнении с

ва Г. Ф. Указ. соч.; Тонких В. А., Ярецкий Ю. Л. Россия: цивилизация и культура. – М.: Союз, 1998. – 232 с.; Шаповалов В. Ф. Россиеведение: учебное пособие для вузов.

¹ См.: Пушкин С. Н. Православное понимание цивилизации. – М.: Знание, 1990. – 64 с.

² См.: Павленко А. Н. Эффективная «неэффективность» восточнохристианской цивилизации и западный принцип «рациональной исчерпаемости мира» // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 146 - 158.

³ См.: Машурова Е. А. Славяно-православная цивилизация: ретроспектива и перспектива интеграции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 3 (4). Т. 2. – С. 98 - 101; Окушко В. Р., Живобрицкая В. В. Россия – ядро православно-славянской цивилизации // Россия и россияне: особенности цивилизации: Материалы международной науч. конф., посвящ. 80-летию АЛТИ-АГТУ / отв. ред. А. В. Колосов, А. Г. Дементьев, М. И. Козлов. – Архангельск: АГТУ, 2009. – С. 90 - 93.

⁴ См.: Платонов О. А. Русская цивилизация.

другим вариантом – российская, кроме обозначения географического местоположения сообщества в терминологии русской историософии, был мотивирован аргументом о постоянном воссоздании в прошлом в северной части Евразии крупнейших государственных образований, а также прогнозами о восстановлении её масштабов в рамках разрабатываемого проекта политического и экономического содружества народов прежнего СССР¹.

И, наконец, сформировался ряд идеологических течений с эклектичными теоретическими основами, которые были охарактеризованы и разделены А. В. Самохиным по трём направлениям: консервативное неоевразийское (А. Г. Дугин), этническое неоевразийство (Х. -А. Нухаев, А. Эскин) и псевдоевразийское направление (Э. А. Баграмов, А. -В. Ниязов, А. Т. Горяев и другие)².

В историографии нередко употреблялась трёхчастная формула «Запад – Россия – Восток». Так, срединное положение российской цивилизации В. И. Пантин и В. В. Лапкин видели через призму нормативной системы, сложившейся в её недрах в результате усвоения элементов восточных и западных ориентаций, заимствовавшей соответственно от первой ценности государства и служения и от второй – ценности развития³.

Проблема устойчивости России (между Западом и Востоком) осознавалась в русской философии и также волновала исследователей рассматриваемого периода в её ценностно-рациональном восприятии⁴. По трудам известных представите-

¹ Орлова И. Б. Указ. соч. – С. 144 - 172; Яковец Ю. В. Будущее России в координатах евразийской цивилизации // Общество и экономика. – 2000. – № 1. – С. 18 - 35.

² Самохин А. В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. – С. 23 - 24.

³ Пантин В. И., Лапкин В. В. Россия между Западом и Востоком: проблемы геополитического и геокультурного самоопределения // Цивилизации. – Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 2006. – С. 169.

⁴ Моисеева Н. А. Проблема национального сознания в русской философии [Электронный ресурс] // Вестник Российского государственного аграрного

лей интеллигенции XIX в. А. А. Кара-Мурза установил симптомы ощущения народом начальной динамики нарастающего к рубежу XIX–XX вв. кризиса его идентичности, рассматривая этот процесс как пусковой момент для распада прежней организации социального пространства. Следуя своим источникам, автор охарактеризовал срединное положение России как ситуацию между двумя варварствами: «русской азиатчиной позади» и «псевдоевропеизмом впереди», сложившуюся в результате «дурного синтеза Востока и Запада»¹.

О протеизме (готовности к перевоплощению) русской культуры, вынужденной быть открытой и отзывчивой влияниям со стороны соседних цивилизаций, писал А. С. Панарин, отмечавший оборотную сторону этой открытости – хрупкое равновесие и проблематичность действовавших норм, готовность их сменить, нередко на противоположные². Не случайно в научный оборот был введён гротескный образ духовного пространства России, раздвоенный, с оттенком ущербности, получивший уничижительные метафоричные названия: кентавричный и «Азиопа» (последний – ещё от историка и государственного деятеля П. Н. Милюкова)³.

В историографии конца XX в. идея кентавричности, то есть однополярного видения цивилизации, абсолютизирующая одну из возможных тенденций функционирования и развития

заочного университета. Научный электронный журнал. – 2010. – Ч. 3. – URL: [http://www.rgazu.ru/db/vestnic/2010\(3\)/gum/001.pdf](http://www.rgazu.ru/db/vestnic/2010(3)/gum/001.pdf) (дата обращения 18.12.2010); Юревич А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // *Философия науки*. – Вып. 9. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 287 - 306.

¹ См.: Кара-Мурза А. Между Евразией и Азиопой. // *Иное*. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. – М.: Аргус, 1995. – С. 163 - 184.

² Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Просвещение, 1994. – С. 46 - 47.

³ Гуцаленко Л. А. Факторы и диалектика социального кентавризма // *Социологические исследования*. – 2007. – № 3. – С. 26.

общества, не отвергалась¹. Популярная в научно-политической публицистике и рассчитанная на ассоциативное восприятие массовым сознанием, она приносила наглядность в описание духовной основы как противоречивой вследствие наличия «в одном социоорганизме нескольких мировоззренческих кодов: азиатского, западноевропейского, византийского, причем в модифицированных ипостасях... Из чего проистекают существенно различающиеся и конфликтующие между собой политические философии, способы управления, наконец, несовпадающие концепции правящего класса»².

Отмеченное выше историко-культурное своеобразие российской цивилизации позволило Г. С. Померанцу в начале 1990-х гг. заявить о ней как о территории «стыковых культур» – некой площадки, на которой «(на глазах историков) продолжается процесс синтеза культурных начал и возникают новые субэкументальные узлы»³. Идея автора впоследствии была развита Я. Г. Шемякиным в образах России и Латинской Америки как пограничных цивилизаций. Метафора «пограничная» подчёркивала обнаруженную принципиально иную, чем на Западе, связь в сфере отношений «природа – человек», «мирское и сакральное», «индивид и общество», «традиции и новации» и других⁴. Её основной смысл заключался в преобладании в ор-

¹ Бейдина Т. Е. Цивилизационное будущее России (проблемы прогнозирования развития российской цивилизации и безопасности) // CREDO. – Оренбург, 1999. – № 2. – С. 53 - 54; Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – С. 216.

² Неклесса А. Опыт второй модернизации России [Электронный ресурс] – URL:

<http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1522&ids=137> (дата обращения 15.12.2010).

³ Померанц Г. С. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – С. 222. Согласно автору, «субэкумена – завершённая попытка наднациональной культуры, выработавшая самостоятельную философию (или мировую религию, впитавшую в себя философские традиции)» (Там же. – С. 210).

⁴ Шемякин Я. Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) //

ганизации указанных континентальных сообществ принципа многообразия над принципом единства.

Вышеизложенное позволяет заключить, что вектор исторического осмысления пространства российской цивилизации посредством образного сопоставления с Западом и Востоком опирался на устойчивую в отечественной интеллектуальной среде традицию европоцентристского мышления. Этот вектор отражал сторону процесса самосознания общества, не касавшуюся аспектов влияния природных факторов, обусловленную сложившимися авторскими представлениями о принципах организации социума в различные исторические периоды, ассоциируемые с этапами незавершённой модернизации.

Пространство цивилизации в смысловых фигурах идентичности

В 1990-е гг. проблема пространства российской цивилизации изучалась в рамках ещё одной дискуссионной площадки, сформировавшейся на основе междисциплинарной риторики по поводу идентичностей¹. В версиях идентичностей индивидумов, групп, культуры, общества в целом были слышны «голоса» исторической, психологической, социологической, политологической и философской мысли. Они «подгружали» семантику ключевого понятия путём составления на его основе новых фразеологических оборотов, замещая в научном лексиконе однозначные по содержанию и привычные в советской историографии термины «самосознание» и «самоопределение», в том числе благодаря обнаруженным в его этимологии дуальным смыслам (тождественность – инаковость, устойчивость – изменчивость во времени).

Универсальность проявлялась в существовании родственного понятия – идентификация (совокупность процессов и ме-

Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 96, 113; Шемякина О. Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – С. 257 - 258.

¹ Identicus (лат.) – тождественный, одинаковый.

ханизмов, ведущих к достижению идентичности) с обширной типологией этого состояния (политическая, этническая, региональная, культурная и другие идентификации/идентичности)¹. В научный оборот был введён фразеологизм «цивилизационная идентичность», ставший популярным в публицистике и обозначивший предмет многих исследований.

Чтобы установить, в какой мере он способствовал выражению и конкретизации представлений о цивилизационном пространстве России, следует иметь в виду неравнозначные подходы исследователей к организации смыслового поля идентичности, предопределившие отсутствие согласия в дефинициях². Объединяющим признаком явилось общее для всех интенций происхождение на основе историософских категорий, поэтому в историографических обзорах исследовательские установки соотносились в первую очередь с философскими течениями: примордиализмом и близким к нему эссенциализмом и конструктивизмом.

Примордиалистскую позицию разделяли сторонники субъективистских и объективистских идей. Случаи некорректного употребления слова «идентичность» отмечал В. С. Малахов и объяснял это завышенными эвристическими ожиданиями от неологизма на фоне дефицита универсальных понятий, которые бы позволили не прибегать к зарезервированным психоанализом категориям «подсознание» и «бессознательное»³. Утверждалось о личностной (персональной) природе идентичности, об особом измерении индивида, обозначаемом в психологии и социологии как «социальное Я», по которому не может

¹ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 8 - 10.

² Давыдов О. Б. Единство индивидуального и коллективного в идентичности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Хабаровск, 2012. – С. 14 - 20; Шабага А. В. Проблемы идентичности исторического субъекта: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2010. – С. 8

³ См.: Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43 - 53.

выстраиваться аналогия с так называемой коллективной идентичностью, не обладающей качеством субъективности. Поэтому любая коллективная идентичность объявлялась метафоричной.

В свою очередь, объективисты считали, что черты любой коллективной идентичности даны изначально и они традиционны¹.

Сторонники *конструктивистского* направления исходили из того, что всякая реальность есть аналитическая конструкция, создаваемая из образов явлений и описания феноменологии социальных процессов, которая в меняющейся исторической обстановке всегда открыта для новых интерпретаций и преобразований. На этом основании утверждалось, что проблема идентичности не может быть раз и навсегда решена, так как критерии для отождествления с этническим, конфессиональным, цивилизационным или иными сообществами всегда открыты переосмыслению, особенно в российском социуме, где ценностно-мировоззренческие установки до конца не сформировались².

Присутствовавшие в текстах конструктивистов, опиравшихся на социологические опросы отдельных групп населения, элементы субъективной диагностики состояния общества в целом, характерные для мышления по аналогиям (чаще следуя психологическим приёмам самопознания и самовосприятия личности), и рекомендации по преодолению зафиксированных у респондентов деструктивных настроений, давали повод их критикам говорить о мифологизации понятия «идентичность». Указывалось, что его употребление создавало видимость науч-

¹ Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения. [Электронный ресурс] – URL: <http://old.belintellectuals.eu/discussions/?id=68> (дата обращения 23.04.2012); Тхагапсоев Х. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. – 2011. – № 1. С. 12.

² Деколаров К. Х. Цивилизационная идентичность России как социально-философская проблема // Конкурентноспособность России в условиях глобализации / Под. общ. ред. В. К. Егорова, С. В. Степашина. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – С. 329 - 330.

ности в изучении коллективного сознания и приводило к формированию утопий (как, например, «Россия – великая держава», «великий русский народ» и других)¹.

Нельзя не отметить другие аспекты в осмыслении идентичности. Так, в классической философии, по мнению А. Ю. Хамнаевой, она постигалась через проблему тождества, предполагавшую сведение множества к единому. В неклассической философии в эпицентре её содержания оказался внутренний мир исторического человека и его понимание реальности. В не(постне) классической науке на первый план выдвигался поиск инаковости и различий². Впрочем, в рассматриваемый период перечисленные подходы проявлялись чаще в комбинированном виде, поэтому в качестве признаков идентификации могли использоваться концептуально различные элементы.

Так, для определения регионального контура идентичности подчёркивалась важность сведений о свойствах территории, представлений об особенностях проживающих там групп населения и порядка осознания индивидами своего членства в группах³. Для обозначения духовного контура актуализировались индивидуальные/коллективные субъекты и объекты идентичности, средства идентификации (идеалы, нормы, ценности, принципы и т.д.) и характерные духовные практики⁴. Кроме того, предлагалось считать основными структурными компонентами коллективной идентичности следующие: элементы самоопределения сообщества; конструирование его границ с использованием социальных маркеров, конкретизирующих внутреннее пространство; свойства сознания, обогащённого исто-

¹ Малинкин А. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 75 - 76.

² Хамнаева А. Ю. Идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ, 2007. – С. 4.

³ Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. – С. 16.

⁴ Яненко А. С. Духовная идентичность российского общества в современных условиях (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009. – С. 12.

рическим опытом и ценностями; символические соглашения, регулирующие порядок внутренней жизни и взаимодействия с внешним миром; и основной принцип объединения людей¹.

Таким образом, в научном повествовании идентичность трансформировалась в полифункциональную фигуру с предполагаемым объёмом аналитического ресурса, сопоставимым с ресурсом исторической категории. Она выступала и в виде технического понятия, и в качестве выстраиваемой в зависимости от концептуальных предпочтений авторов универсальной аналитической конструкции в целях представления современного многомерного пространства индивида или сообщества из всей совокупности пространств, когда-то выделенных по сферам жизнедеятельности по мере вычленения уровней социализации человека.

В отечественной и зарубежной историографии высказывались сомнения о правомерности использования понятия «идентичность» в таком широком диапазоне значений. Одновременно ставились вопросы о возможности с его помощью объяснить существование и последовательность смены социокультурных образований, насколько оно применимо для обозначения особой внутренней сплочённости крупных коллективов². Полярные суждения свидетельствовали о незаконченном в конце XX в. поиске научного языка, способного преодолеть концептуальную разноголосицу в объяснении быстро меняющегося порядка самоорганизации населения во многих странах. На этом фоне рассуждения о пространстве российской цивилизации облекались в формат поиска цивилизационной идентичности общества. Перейдём к их рассмотрению.

Вначале отметим присутствие в поэтике названий ряда статей и в постановке исследовательских задач понятия «цивилизационная идентификация», не отягощённого дефинициями и

¹ Хамнаева А. Ю. Указ. соч. – С. 8.

² Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. – М.: Росинформагротех, 2010. – С. 52.

не имевшего чётко выраженного самостоятельного содержания. Оно использовалось в фигуральном плане там, где предусматривался анализ идей, отрицавших или отстаивавших точку зрения на принадлежность России к локальной цивилизации и уже известную полемику по поводу её места относительно Запада или Востока¹.

В стиле культурологической публицистики И. В. Кондаков и Л. Б. Брусиловская выделяли формулу существования феномена цивилизационной идентичности России в виде качественной определённости общества, обусловленной мессианской идеей. В различные исторические эпохи уровень её осознания, по мнению авторов, являлся следствием реакции духовной сферы на завершение очередного цикла движения социума от самоизоляции (с характерным бурным развитием культуры и манией величия) к динамичному неравновесному состоянию с заниженными самооценками и сомнениями в эффективности внутреннего устройства. Последующее стремление в ходе очередной модернизации догнать/перегнать технологически прогрессивный, притягательный и одновременно враждебный культурный центр неизбежно сопровождалось потребностью в новой самоидентификации².

Определение идентичности России у исследователей рубежа XX–XXI вв. было сопряжено с интерпретацией содержания исторически доминировавших в социальной организации базовых

¹ См.: Ионов И. Н. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // Искусство и цивилизационная идентичность. – С. 169 - 187; Кожурин Ю. Ф. Цивилизационная идентификация социокультурной системы региона; Козин Н. Г. Универсалистский проект цивилизационной идентичности России // Философия и общество. – 2008. – № 4. – С. 71 - 90; Лубский А. В. Россия: проблема цивилизационной идентификации; Межуев В. М. О цивилизационной идентичности России [Электронный ресурс] // Индекс. – 2007. – № 25. – URL: <http://index.org.ru/journal/25/mezh25.html> (дата обращения 2.04.2012); Самусенко И. М. Цивилизационная идентификация России // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 420 - 426.

² Кондаков И. В., Брусиловская Л. Б. Ночь «Третьего Рима»: кризис цивилизационной идентичности России XX века // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 12. – С. 39.

вых элементов, как всей их совокупности (расового, этнического, культурного, политического – по примеру С. Хантингтона¹), так и отдельно взятых², обуславливавших специфику и контуры пространства цивилизации. Пространство представлялось многоуровневым, разнонаправленным, противоречивым динамическим процессом, с постоянно модифицирующимися состояниями, характеризующимся всеми показателями социального измерения общества³. При этом элементарные измерения начинались с идентичности субъекта – включённости индивида в различные сообщества и вероятности изменения его отношения к отдельным группам, которое расценивалось как один из сигналов кризиса соответствующего типа идентичности⁴.

Цивилизационная идентичность понималась как предельно широкий уровень отождествления индивида, этноса, государства с локальной цивилизацией⁵. Выделялись её так называемые формообразующие факторы: исторический, языковой, религиозный, культурный, ментальный, природно-климатический, геополитический, экономический, политический и другие⁶. Впрочем, подобные рассуждения в историографии были хорошо известны и не содержали элемента новизны.

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.

² См.: Денисенко М. Ю. Влияние конфессионального фактора на формирование цивилизационной идентичности в России // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 54. – С. 147 - 150.

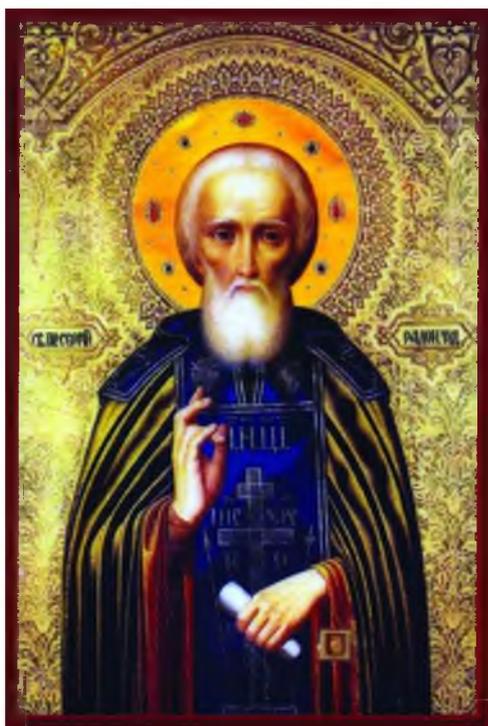
³ Трегуб С. В. Указ. соч. – С. 12 - 13.

⁴ Когатько Д. Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2007. – С. 48.

⁵ Жаде З. А. Указ. соч. – С. 17; Зараев А. С. Проблема цивилизационной идентификации субъекта общественного развития. – С. 186; Мчедлова М. М. Идентичность общероссийская // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь / Ред. кол.: М. П. Мчедлов и др. – М.: Республика, 2001. – С. 69; Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – 2008. – № 3. – С. 29; Цымбурский В. Л. Идентичность цивилизационная. – С. 80.

⁶ Жаде З. А. Указ. соч. – С. 39 - 40; Маслов А. А. Указ. соч. – С. 11 - 12; Трегуб С. В. Указ. соч. – С. 19.

Нетрудно заметить, что акценты на идентичность, бессодержательно определяемую синонимом «тождества», воспроизвели распространившуюся практику объяснять предмет и множить тем самым исследовательские подходы с помощью синтаксических конструкций, более отзывчивых к изменению своих первоначальных смыслов. Статус научности последние приобретали путём сочетания с терминологией, взятой из различных областей знаний, как правило, также полисемантической (каким являлось и понятие «цивилизация») и нуждавшейся в проговаривании условий употребления. Дополнительно использовались приёмы обращения к привычным для массового исторического сознания оппозициям «своё – чужое – другое»¹.

Игумен земли русской Преподобный
Сергий Радонежский
(1314–1392)

Так, в фокусе осмысления опыта представителей русской историософии в аналитической реконструкции образов России Л. Г. Королёва заключила, что цивилизационная идентичность представляет собой этнокультурное самосознание, воплощённое в продуктах духовного творчества национальной элиты². В рассуждениях автора присутствовала характерная для привлечённых источников (идеи Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьёва, П. Я. Чаадаева и других), антитеза «мы – они», выступавшая в роли ключа к

постижению особенностей этнического самосознания, базиру-

¹ Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсивный анализ публикаций последних лет. – С. 543 - 544.

² Королёва Л. Г. Цивилизационная идентичность России в русской философии культуры: дис. ... д-ра филос. наук. – Курск, 2006. – С. 12, 43.

ющего на выделении различий (культурных, языковых и других) между общностями¹. В антитезе обнаруживалось субъективное начало идентичности, проявляющееся в психологической оценке личности самой себя, своего народа и государства.

В данном контексте Е. Д. Зарова представляла цивилизационную идентичность в виде совокупности достаточно устойчивых форм самоопределения и саморепрезентации, образующих конкретную культурно-цивилизационную целостность. Утверждалось, что её построение происходило за счёт формирующихся в обществе образов «другого» и противопоставления «себя» «другим» цивилизациям. С этой целью была разработана методика анализа современных моделей взаимного восприятия России и Запада по схеме «свой – иной – другой – чужой»².

Изложенное выше свидетельствует о сформировавшемся междисциплинарном подходе в представлении пространства российской цивилизации посредством нового осмысления историсофских концепций, исторических знаний о социальных явлениях и процессах через призму аналитических фигур, выстроенных на основе понятий «идентичность», «идентификация» и «цивилизационная идентичность». Указанные понятия наделялись статусом универсальных и внеисторичных, выступая в роли самостоятельного предмета исследования, проецируемого на общество в целом и на его отдельные сферы (структуры).

Как видим, интеллектуальный поиск цивилизационной идентичности России был ориентирован на обоснование современных мировоззренческих установок и геополитических проектов, которые разделяли учёные, удовлетворившие таким образом запрос массового исторического сознания на свежие идеи. Из зарубежной историографии было заимствовано поня-

¹ Манапова В. Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы // Власть. – 2007. – № 7. – С. 26.

² Зарова Е. Д. Указ. соч. – С. 7, 13.

тие идентичности – ещё одного инструмента для формирования и трансляции новых смыслов проблемы самосознания особенности российского общества относительно координат локальных цивилизаций Запада и Востока. Момент научной новизны заключался в выделении и абсолютизации познавательного потенциала элементарной единицы идентичности в виде носителей смысловой в психологическом контексте триады «Я – мы – своё», для которой методами социологии определялась комплементарная социальная система, в пределе представлявшаяся многослойным (территориальным, культурным, политическим, этническим, ментальным, языковым и т.д.) контуром пространства российской цивилизации.

Суммируя выводы о содержании всех трёх рассмотренных подходов, подчеркнём их открытость свободному моделированию новых смысловых фигур путём установления логической связи между положенными в их основу идеями по принципу взаимного дополнения, почерпнутыми из различных концепций, предметных областей и познавательных пространств: реального, перцептуального и концептуального. Рассмотренный аналитический ресурс явился результатом взаимодействия «дискурсивных» практик (на предмет сопоставления России с Западом и её идентичности) с историческим знанием о многомерной и динамичной структуре пространства цивилизации. В рассматриваемый период исследователи перешли от изучения её отдельных составляющих, выступавших как часть, элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ними, накапливая материал для представления пространства российской цивилизации как целого.
